

Орел-уч. - 1995 - Моисеев - с. 9.

Игорь Александрович МОИСЕЕВ

стал балетмейстером Большого театра в 24 года. Уже одно это обстоятельство заслуживает быть занесенным в книгу рекордов Гиннеса, поскольку постановщиками обычно становятся тогда, когда заканчивают карьеру артиста. В 37-ом году он организовал ансамбль, известный всему миру как Театр танца Игоря Моисеева, и с тех пор — вот уже без малого шестьдесят лет беспрерывно руководит им. В свои восемьдесят восемь он продолжает удивлять фантазией, огромной работоспособностью и той внутренней гармонией, которая так редка сегодня...

— Личность должна раскрываться через дела, а не через рекламу и самохвалство. Я всегда с недоверием отношусь к тем, кто о себе трезвонит с аппетитом. Хочешь быть хорошим — работай и жи-

ви достойно, тогда и о тебе начнут говорить хорошо. Гармония в любом деле — сама по себе не возникает. Она создается умом, усилиями и талантом творца. Однако уверен, что ошибки в творчестве неизбежны и даже полезны. К сожалению, на ошибках учатся далеко не все. Некоторые бывают слишком упрямы. Однако дважды ошибается только дурак.

Отец, дворянин, поначалу принял революцию, все идеализировал. Но, когда начались расстрелы, понял, что демократией тут не пахнет: все построено на лжи и обмане, прикрытых лозунгами. Когда разобрался во всем, первым мне сказал: «Будь осторожен». Много позже, когда я стал вхож в Кремль, легко было оступиться. Но во мне так крепко сидел отцовский совет, что я ни с кем не сблизился, ни к кому не приблизился, а жил по принципу: солдат, подальше от начальства, поближе к кухне. Практически каждый человек, занимавший какую-либо должность, непременно

был членом партии. Я же уклонялся, шел на всякие хитрости, дошло до того, что стали вызывать в райком и горком. Восемнадцать раз вызывали и требовали, чтобы я записался в партию. Но я этого не сделал. Мне говорили, что не имею права руководить ансамблем, потому как не член партии. Я отвечал: освобождайте. Но они не смели так поступить, поскольку не было ни одного приема в Кремле, на который не приглашали бы ансамбль. Я четыре раза получал Сталинскую премию. Сталин был конечно, не такой человек, чтобы кого-то хвалить. И говорил-то о себе обычно в третьем лице: Сталин этого не сделает. Но относился хорошо, что и спасло меня. Хотя, знаю, многие боялись его до полуобморочного состояния. Я просто не предполагал, насколько он опасен. Понял много позже. Но я и не был страстным его поклонником. В жизни он был неинтересным — маленький, рябой, грубый, жесткий.

